

Золотой переплет

30 октября страна вспоминает жертв политических репрессий. Годы сталинского террора унесли жизни нескольких миллионов человек, и одним из них стал видный издательский работник **Григорий Евгеньевич Цыпин** (1899–1938). В 1931–1932 годах он был главным редактором «Вечерней Москвы», период его руководства оказался недолгим, но ярким. Этот материал входит в цикл, посвященный 95-летию нашей газеты – оно будет отмечаться 6 декабря этого года.

Пока хозяин варил раков – по фирменному рецепту, со специями – гость дождался в столовой. Разглядывал корешки в застекленных шкафах – библиотека в этом доме была богатейшая. О книгах и начали беседовать, когда настало время разлить пиво по кружкам.

И тут их перебил попугай. Это подействовало на них похлеще, чем крик ворона – на героев старых романов. Они уже не могли притворяться друг перед другом, будто им действительно хочется обсуждать, у какого букиниста товар богаче.

– Лева! – произнес хозяин, уперевшись взглядом в скатерть. – Вот подумайте: нас было одиннадцать человек на курсе в Институте красной профессуры – девять взяли, а меня не тронули. Нас было шесть помощников у Кагановича – пять взяли, а меня даже не вызывали!

Попугай снова заверещал. И с ним ничего нельзя было сделать – даже придушить. Кричала птица из квартиры наверху. Там до недавнего времени жила Бетти Глан, директор Парка Горького.

Бетти Николаевну арестовали, квартиру опечатали, а попугая, сидевшего в клетке на балконе, забыли. Закрывать окно, чтобы не слышать его криков, было тоже невозможно – стояло жаркое лето. Лето 1937 года. наших героев только что «вычистили» из Детиздата: хозяин, Григорий Цыпин, заведовал издательством, гость, Лев Разгон, служил там редактором. Не в том они были положении, чтобы звонить в НКВД и заступаться за обреченную птицу, напоминая о себе.

– Нас было пять заместителей у редактора «Известий» Бухарина, – рассуждал Цыпин, захватывая с блюда очередного рака. – Вместе с Бухариным взяли четырех, меня не тронули. Значит, не всех же берут! А? Как вы думаете?

«Вытащить из задворок»

Григорий Цыпин родился в Москве, но много лет проработал на периферии. Редактировал газеты на Урале, в Казани, в Курске, Астрахани, Харькове, служил в секретариате ЦК Компартии Украины помощником Лазаря Кагановича. В 1931 году Каганович стал первым секретарем московского горкома ВКП(б) – по-современному, мэром – и перетащил Цыпина в столицу. Григорию Евгеньевичу было тридцать два года, он стал самым молодым главным (тогда говорили – ответственным) редактором в тогдашней истории «Вечерки». Ему поручили сделать газету более живой и популярной.

Первый номер, подписанный Цыпиным, вышел 6 августа 1931 года. Уже к концу месяца изменился дизайн издания. Почти в каждом номере в середину первой полосы стали вставлять крупный снимок с расширенной подписью. Сотрудники называли его «фотоочерком» или «фотофельетоном». В номере за 14 сентября, например, поместили снимок: школьный класс, каждый ученик тянет руку вверх. И пояснение: так дети ответили на вопрос фотографа, у кого из них родители – ударники производства. Михаил Байтальский (1903–1978), сотрудник «Вечерки» и давний знакомый Цыпина, объяснял: «Сделать фоторепортера журналистом, не только собирающим факты, но и работающим фактами – задача

трудная, но важная. <...> Мы считаем, что фоторепортер имеет такое же право видеть в газете свою подпись, как журналист и художник. Мы хотим вытащить фоторепортера из задворков... и сделать его органической частью газетной лаборатории».

Заголовком – по недостаткам

Другой фирменной чертой обновленной «Вечерки» стало преобладание заметок, заверстанных в одну колонку, с хлестким заголовком из двух частей. Например, «Не заставляйте нас есть пальцами. Дайте деревянные ложки» (о нехватке приборов в столовых), «Мыши учатся по букварю. Дети лишены этой возможности» (о том, что учебники залеживаются на складах).

Газета не стеснялась преувеличений – ни в осуждениях, ни в обещаниях, ни в восхвалениях. Если начальник кухни в одной столовой работает халтурно, значит, заголовок – «Худший повар Москвы». Если планируют (пока еще только планируют!) реконструировать трамвайную сеть, значит, «Сдадим в архив «мест нет». Ни одного пассажира, висящего на ремне». Если исполнился год со дня введения всеобщего школьного обучения – значит, «Москва станет грамотнее Лондона».

Типичный читатель тех лет ютился в бараках и коммуналках (в 1931 году на одного москвича приходилось в среднем 4 квадратных метра жилой площади), давился в очередях за самой обычной едой, а работал много и тяжело. Он нуждался в сильном эмоциональном допинге. Газета каждый вечер убеждала его, что он живет в столице самого передового и справедливого государства, в его сторону с завистью смотрят безработные братья по классу из охваченных кризисом США и Европы. А дальше будет еще лучше – только трудись! Ну а всевозможные недостатки родного города газетчиков сердят даже сильнее чем его, читателя.

Метод кнута и продуктового талона

Единство стиля «Вечерки» обеспечивалось жесткими методами.

Журналист газеты Александр Мацкин (1906–1996) вспоминал, что Цыпин «запретил сотрудникам давать заголовки своим заметкам, объявив, что будет за это штрафовать». Почему он не хотел просто вычеркивать не понравившиеся варианты? Возможно, потому, что сдав статью с заголовком, журналист мог бы его отстаивать. А раз заголовка нет, то и спорить не о чем. Озаглавливала заметки специальная «тройка» редакторов.

Цыпин умел задабривать ценных коллег. В то время продукты продавались по карточкам, но Григорий Евгеньевич добился, чтобы заведующим отделами выдавали талоны в ресторан «Прага», где работала закрытая столовая для сотрудников Моссовета. «Мы обедали в столовой, а завтрак и ужин получали сухим пайком – масло, яйца, сыр и прочее в изобилии, и притом по особо низким ценам», – вспоминал Михаил Байтальский. Однако от иных трудностей сурового времени Цыпин не спешил защищать даже друзей. Получив «свыше» указ провести в редакции собрание с осуждением троцкистов, Григорий Евгеньевич не спустил его на тормозах. Он заставил Байтальского, которого в 1929 году ненадолго арестовывали за принадлежность к оппозиции, выступить с публичным самобичеванием: мол, да, состоял, но отошел, сейчас честно стараюсь выполнить обещания, данные партии. Донкихотское благородство не входило в число добродетелей Цыпина.

Самовар в коридоре

Григорий Цыпин проработал в «Вечерке» пять с половиной месяцев – последний подписанный им номер был за 25 января 1932 года. Потом он был директором издательства «Советская литература» (до 1934 года), затем – заместителем главного редактора «Известий». А в 1935 году его назначили заведующим Детгизом (с 1936 года – Детиздатом). Там он приложил руку к выпуску многих произведений, признанных впоследствии советской классикой.

Цыпин стремился издавать как можно больше роскошных книг – с иллюстрациями, в украшенных золотом переплетах. Благо возможность была – экономика по сравнению с началом

десятилетия заметно укрепилась, как говорит Сталин, «жить стало лучше, жить стало веселее». Лев Разгон вспоминал, что у остряков было в ходу выражение «цыпинское золото». Подтверждение тому, что похожие образы действительно использовались, мы находим в фельетоне Ильфа и Петрова «Писатель должен писать» (1937): там хорошо успевающим деткам дают в награду «книжку в золотом цыпинском переплете». Как объяснял Разгон, «вкусы Цыпина вполне соответствовали той жажде красивой толстой книги, которая возникла у читателей после чухлых брошюрок и тоненьких книг о великих стройках пятилетки».

Образец «цыпинского золота»: книга Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре», вышедшая в Детиздате в 1938 году в серии «Библиотека приключений» Фото: Раевская

Некоторые писатели с помощью Цыпина обретали веру в свои силы. Григорий Евгеньевич велел установить в коридоре издательства стол, на котором весь день полагалось держать горячий самовар и вазочку с баранками. Детиздат превратился в писательский клуб: литераторы забегали туда просто пообщаться, обменяться впечатлениями о поездках и встречах. Время от времени заведующий подсаживался, прислушивался. А потом, бывало, говорил гостю:

– А вот на такую книгу мы бы, пожалуй, заключили с вами договор...

И писатель, еще утром не строивший никаких планов, уходил из Детиздата с договором и авансом. О некоторых приходилось проявлять отеческую заботу. У Аркадия Гайдара, например, деньги буквально утекали сквозь пальцы. Чтобы любимец пионеров не голодал и не влезал в долги, Цыпин заключил с ним соглашение: гонорар за переиздание книг ему будут выдавать частями, ежемесячно – вроде как зарплату.

Арест под Новый год

В августе 1937 года Цыпина вместе с еще несколькими коллегами

сняли с работы. Видимо, у него была накоплена хорошая подушка безопасности, и бедность его не пугала. Пугало другое. Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, они со Львом Разгоном завели ритуал: регулярно ходили на Пречистенку в Музей новой западной живописи, садились напротив любимых картин и долго молчали. А потом покупали бидон пива и корзинку раков – и устраивали дома у Цыпина скромную пирушку. Под конец года оба нашли работу (по словам Разгона, Григорий Евгеньевич стал «средним клерком в каком-то ведомственном издательстве»). Кажется, туча миновала.

Утром 1 января 1938 года Разгон решил поздравить друга с Новым годом. Телефон ответил длинными гудками... Цыпин уже два дня как был арестован. 29 августа 1938 года его приговорили к расстрелу за «участие в контрреволюционной террористической организации». Приговор привели в исполнение в тот же день. Реабилитирован Григорий Евгеньевич был 8 декабря 1956 года.

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**